

Начало пути

Да простит меня Татьяна Лопаткина, если я чистосердечно признаюсь, что, увидев ее впервые на сцене, решил, что передо мной не актриса, а девочка-школьница, которую обучили словам роли и ввели в спектакль для большего правдоподобия.

Как выяснилось позже, то, что я принимал за натуру, было искусством. Но искусство это было до такой степени молодым, что трудно сказать, где в игре Лопаткиной мастерство, а где ее собственная, неизжитая еще «детскость».

Но вот я снова увидел на сцене Татьяну Лопаткину — в пьесе Ф. Кнорре «Встреча в темноте», звали ее Леночкой.

В куцей шубенке, испуганная и задыхающаяся, вбегала она в комнату. Ей нужно было во что бы то ни стало увезти с собой свою старшую сестру — немцы подходят к городу, надо уезжать, мама ждет их на грузовике, а Варя задерживается — у нее, видите ли, какое-то важное дежурство. Леночка ужасно нервничает. От страха у нее срывается голос. Она умоляет сестру, потом начинает кричать на нее и готова уже расплакаться. Но Варенька твердо решила остаться. И вот я вижу, как младшая сестра внезапно успокаивается, как сквозь слезы сияет ее улыбка, и она, прижавшись к сестре, тихо говорит о том хорошем, что ждет их впереди.

И, когда смелые девочки расстаются, садятся на пол и нежно, по-детски обнимаются, целуют друг друга и шепчут ласковые слова, я знаю, что это не обыкновенные дети. Старшая из них станет героиней, но и младшая — я предчувствую это — со временем не уступит сестре.

Дарование Лопаткиной, по-моему, именно в том и заключается, что актриса умеет раскрыть чистоту, благородство чувств в личности, которая с первого взгляда может показаться заурядной.

Как просто, с какой трогательной правдой играла молодая артистка роль скотницы Пелагеи в инсценировке чеховского рассказа «Егерь». Эта забитая, робкая женщина, некрасивая и несчастная, — она так жадно молит своего непутевого мужа и просит хотя бы изредка вспомнить о ней. «Живонисный» егерь красноречиво доказывает своей супруге, что она ему не пара.

Я смотрю на Пелагею и вижу, как глубоко страдает эта женщина от безответной любви, как полно ее сердце неизрасходованной ласки, доброты, и понимаю, что егерь действительно не пара этой доброй, хорошей русской бабе. И когда муж великодушно дает постылой жене рубль и уходит, а Пелагея любящими глазами смотрит ему вслед, — мы уже не жалеем забитую женщину, а любим ее нравственной чистотой.

Вот, кажется, все роли, которые пока что сыграла Таня Лопаткина, если не считать того, что она отлично дублировала В. П. Марецкую в «Машеньке». Впереди должно быть много новых работ, и у меня нет сомнений в том, что она их осуществит. Я тем более в этом уверен, что работает она под руководством Ю. А. Завадского, вся деятельность которого отмечена большим вниманием к театральной молодежи и который умеет помочь молодому художнику найти свой путь в искусстве.

Вспоминается разговор с одной девушкой-капитаном. Она была маленького роста и даже лицом походила на Лопаткину. На груди у нее красовалось пять орденов, на погонах было четыре звездочки. Она рассказывала, как водила свою часть в разведку, как бойцы, видя впереди себя девушку, действовали особенно смело, а в перерывах между боями она чинила им рубахи и часто сама, по-домашнему, варила им щи.

— Одно плохо, — заканчивая рассказ, заметила она, — девчат на фронте мало. Скучно.

Мне хотелось ответить — на фронте они есть, а вот на сцене девушек, действительно, мало.

Будем надеяться, что героический образ девушки-воина наконец-то появится в нашей драматургии. И тогда мы пожелаем Тане Лопаткиной осуществить этот образ на сцене. Наверное, большего счастья актриса и сама себе не пожелает.